

— Госпожа Цзюньсинь, не волнуйтесь! С госпожой всё будет в порядке. Я сейчас же позову врача, а также попрошу людей перенести её на кровать. Подождите здесь! — Байлань убрала руку с головы Тан Линъи, она была невероятно горячей. Это действительно была лихорадка. Байлань не раздумывала, быстро вышла из комнаты.

Чжэн Цзюньсинь запомнила слова «перенести А-Лин на кровать» и, не дожидаясь слуг, взяла её руку на свои плечи и повела к кровати.

Тан Линъи была выше и тяжелее её. Её худенькое тело шаталось с каждым шагом, но Чжэн Цзюньсинь подтянула её повыше и в итоге не упала, благополучно уложив её на кровать. Она вспомнила, как Байлань ночью тайком укрывала её одеялом, и накрыла Тан Линъи плотно.

Глядя на Тан Линъи, лежащую на кровати, её худощавое тело, покрытое тонким одеялом, бледное лицо и бескровные губы, Чжэн Цзюньсинь забеспокоилась.

Она металась по комнате, хотела выбежать и позвать всех на помощь. Но боялась, что если А-Лин проснётся, а её не будет рядом, то она испугается.

Уже повернувшись к двери, она снова вернулась, схватила руку Тан Линъи и стала звать её. Её рука была холодной, и без того бледная кожа стала ещё бледнее. На руках были многочисленные мозоли, грубые и толстые, совсем не похожие на руки изнеженной девушки, которая никогда не выходила за ворота.

Чжэн Цзюньсинь чувствовала, что рука А-Лин была твёрдой, с множеством ран разного размера.

— А-Лин, проснись! Эта игра не интересная, давай не будем играть. — Она разрыдалась, всхлипывая. — Я буду слушаться, больше не буду драться! Я не хочу, чтобы ты злилась!

Она плакала так сильно, что едва могла дышать, и вдруг вспомнила те дни, когда ещё не попала в публичный дом. Это было холодной зимой, у неё не было тёплой одежды, только старая, тонкая рубашка, которую она, как и другие нищие, нашла на свалке. Одежда была мала и коротка, холодный ветер проникал сквозь щели.

Зима в столице была действительно холодной, и пошёл снег. Чжэн Цзюньсинь не было где согреться, все тёплые места были заняты. Те, кто занял эти места, смеялись над ней, пытались отобрать у неё маньтоу, который ей бросили прохожие, пинали и ругали её.

Чжэн Цзюньсинь испугалась, пряча голову от их ударов, что только усиливало побои. Она не могла оставаться там, нашла щель и, схватив оставшуюся половину маньтоу, убежала.

— Ха-ха-ха! Эта дура, пусть замёрзнет!

— Да, зачем ей жить, если она такая глупая, только еду тратит.

Их голоса становились всё тише по мере её бега.

Выбравшись оттуда, Чжэн Цзюньсинь нашла укромный переулок и присела, убедившись, что вокруг нет нищих, которые могли бы её найти. Она осторожно достала маньтоу, который уже был разломан и раскрыт. Ей было жалко его есть, ведь тогда ей нечего будет есть в следующий раз.

Но живот предательски заурчал, она сглотнула слюну и, не раздумывая, съела его вместе со

снегом. После этого она крепко обняла себя, пытаясь согреться. Но это небольшое тепло не помогло, Чжэн Цзюньсинь чувствовала, что становится всё холоднее, её веки дрожали. В полубреду она увидела, как кто-то шёл и вдруг упал, больше не поднимаясь.

Чжэн Цзюньсинь не понимала, почему этот человек лежит на земле, разве ему не холодно? Это было так здорово, она тоже хотела бы не бояться холода, тогда она могла бы снова радостно просить маньтоу.

Снег на дороге становился всё толще, и Чжэн Цзюньсинь уже не чувствовала тепла своего тела. Ей было так холодно, что она хотела спать, и она закрыла глаза. Когда сознание начало покидать её, перед ней раздался голос:

— Неужели умерла? Эй, ты живая?

Она открыла глаза и растерянно посмотрела на него. «Он пришёл забрать её маньтоу?» Но у неё его больше не было.

Увидев, что она жива, он облегчённо вздохнул:

— Хорошо, что не умерла. Эй, у меня есть хорошее место, где ты будешь есть и пить, никогда не будешь голодать. Пойдёшь?

Чжэн Цзюньсинь пошла с ним.

На свете есть такие хорошие места и такие хорошие люди, которые готовы её взять с собой. Она была счастлива, её замёрзшее лицо исказилось в улыбке, которая выглядела жутковато.

Человек, который её увёл, был низкорослым, даже ниже её. Сильный ветер не мог развеять резкий запах, исходивший от него. Он шёл впереди, бормоча себе под нос:

— Тебе повезло, что ты не замёрзла насмерть. Отведу тебя в Павильон Шичунь, смогу продать тебя и купить вина. Иначе, как те, кто упал, ты бы уже не поднялась, умерла бы. Умерла, понимаешь? Тебя больше не будет на этом свете, тебя больше не существует.

— Тебя больше не будет на этом свете, тебя больше не существует. — Эти слова дважды прокрутились в её голове, а серебряный колокольчик на её голове время от времени звенел в этой огромной тихой комнате, где совсем не было обычного шума и суеты. Чжэн Цзюньсинь заплакала ещё громче.

Она была так добра к ней, а она ещё не успела её отблагодарить. Она боялась, что она умрёт!

— А-Лин, А-Лин, — она снова стала той маленькой девочкой, которая ничего не понимала, и плакала, чтобы разбудить человека перед ней.

Байлань быстро вернулась с врачом и увидела, как Чжэн Цзюньсинь, рыдая, обнимает бледное тело госпожи. Она хотела отодвинуть её, чтобы врач мог быстро начать лечение, но Чжэн Цзюньсинь была невероятно сильной, и Байлань едва смогла её сдвинуть.

Чжэн Цзюньсинь, погружённая в плач, не заметила, что кто-то пришёл. В их борьбе тело Тан Линьи на кровати начало двигаться, её ресницы дрогнули, и она начала приходить в себя.

Во сне она слышала голос Чжэн Цзюньсинь, разрывающийся от рыданий. Она очень хотела проснуться, поднять руку и погладить её лицо, вытереть слёзы. К счастью, она проснулась.

Слушая её плач, она почувствовала горечь.

Туаньтуань была весёлой девушкой, всегда смеялась звонко и радостно, никогда не останавливаясь. Когда она видела её, она всегда смеялась, и так продолжалось весь день. Когда она так плакала, её глаза, должно быть, опухли.

Её большие красные глаза, подрагивающие от плача, делали её ещё больше похожей на маленького кролика.

Тан Линьи раньше не любила видеть, как люди плачут, это её раздражало. Но плач этой девушки вызывал у неё только растерянность и беспомощность.

Она не хотела, чтобы она плакала, не хотела, чтобы она волновалась, не хотела, чтобы она грустила. Тан Линьи, всё ещё в полубессознательном состоянии, изо всех сил старалась сохранить ясность ума.

Похоже, в будущем нужно стараться меньше болеть.

Она открыла сухие, потрескавшиеся губы и прошептала:

— Туаньтуань, я в порядке. Не волнуйся. — Из-за слабости её голос был едва слышен, как лёгкое перо, щекочущее сердце Чжэн Цзюньсинь.

Наконец услышав голос Тан Линьи, Чжэн Цзюньсинь заплакала от радости. Байлань, с красными глазами, быстро сказала:

— Госпожа Цзюньсинь, врач уже здесь, давайте быстро его позовём, чтобы госпожа могла быстрее поправиться и снова играть с вами.

Чжэн Цзюньсинь быстро отошла в сторону, кивая:

— Да, да, да! Спасите А-Лин, ей так плохо!

Через мгновение она снова замотала головой, как маятник:

— Нет, не пойду, не пойду играть. Я останусь с А-Лин, никуда не пойду.

Она плакала так долго, что совсем выбилась из сил. Байлань, увидев, что Чжэн Цзюньсинь шатается, вытерла слёзы и попыталась уговорить её отдохнуть. Но Чжэн Цзюньсинь не двигалась.

Глаза Тан Линьи всё ещё болели, это была медленная, разрывающая боль. Она закрыла глаза, отгородившись от всех звуков, и вскоре снова потеряла сознание.

Байлань, не зная, что делать, использовала Тан Линьи как аргумент:

— Госпожа Цзюньсинь, если ты не отдохнёшь, то тоже заболешь. И тогда госпожа, будучи больной, будет ещё и волноваться за тебя. Ты хочешь, чтобы она переживала?

Услышав это, она перестала сопротивляться и позволила Байлань отвести её.

Болезнь Тан Линьи действительно не была серьёзной. Это было осложнение из-за воспаления глаз, вызвавшее лихорадку. Ей нужно было лежать в постели, вовремя принимать лекарства и спать, не держать глаза открытыми слишком долго, чтобы не усугубить воспаление.

Врач поставил диагноз, выписал рецепт и отправил Сяо Хун в город за лекарствами, а также применил иглокальвание. К вечеру человек на кровати снова открыл глаза.

<http://bllate.org/book/16867/1554147>